

Атель Улыбашка не улыбался. Да и выглядел он, по правде говоря, неважно. Так случается, когда человека пытаются целую ночь.

Я опустился рядом с ним на колени. Его раздели до гола, руки привязали к бочке. Тело бессильно обвисло, и я старался не смотреть на его ладони и ступни — от них мало что осталось, сплошное мясо с кровью.

— Атель, — проговорил я.

Молчит. Я легонько похлопал контрабандиста по мокрой от пота щеке.

— Эй, Атель, слышишь меня?

Веки вздрогнули. Я запустил пальцы в мокрую шею, схватил его за волосы и вздернул голову, чтобы парень видел, кто перед ним. Наверное, по лицу заметно, что мне его жалко. Ну и пусть. Иногда я не восторге от того, что делаю.

— Атель?

Он приоткрыл глаза и попытался оглядеться. В комнате темно, но свечи горят. Наконец он нащупал плавающим взглядом мое лицо.

— Дрот?.. — с трудом прохрипел он.

Видно было, что ему трудно смотреть в одну точку.

— Ну что, Улыбашка, — осведомился я, — ничего рассказать мне не хочешь?

— Че-го?.. — И он опять попытался прикрыть глазки.

Я встряхнул его за волосы:

— Атель!

Теперь он глядел на меня внимательно. Я наклонился и пристально посмотрел ему в глаза — не уплывай, Улыбашка, и слушай меня очень, очень внимательно.

— Где рака? — спросил я.

Атель попытался сглотнуть слюну и закашлялся.

— Я же сказал — везу. Я просто...

— Здорово ты ее везешь, Атель, — отозвался я. — Ты в городе зачем от меня удирал? Ты зачем на ялик сел и в бухту погреб? Я же тебя все равно достану. Улыбашка, отвечай честно: в игры со мной решил поиграть? Да?

Атель помотал головой — я почувствовал, как задержались волосы в моих пальцах — и слабо улыбнулся:

— Дрот, ты что... Я с тобой всегда честно...

— Да ну? — Я постучал по его измочаленному пальцу, и он хапнул воздуха. — Ты раньше мне что говорил, помнишь?

Пусть припомнит, как было больно и отчего развязался язык.

— Ты поставил меня в неловкое положение, Атель. У меня есть покупатель. А раки — нет. Это подрывает мою репутацию. Я сильно расстраиваюсь. Так что давай, Улыбашка, рассказывай. Где рака? А то мои ребята вернуться и продолжат с тобой общение, а я подойду попозже.

Тут он задумался. Глаза словно остекленели, челюсть задвигалась — Атель погрузился во внутренний спор. Если Ангелы милосердны, он расколется прямо сейчас. Я стоял на коленях при том, что от него осталось, и ждал. Надеялся, что так и случится.

Когда Атель очухался от странствий неведомо где, я понял, что Ангелы этим вечером не на моей стороне. Он много чего испытал, но подарил меня неожиданно твердым взглядом. И легонько так покачал головой.

Я аккуратно уложил его голову обратно на бочку и отпустил волосы.

— Имя, — потребовал я. — Мне нужно имя человека, которому он продал товар.

— Будет тебе имя, не парься, — сказали из гулкой темноты склада.

Хрясь вступил в круг света, созданный одинокой свечой. За ним шагали двое помощников. Один тащил ведро с морской водой.

Живорез не отличался высоким ростом — даже я был выше. Он другим отличался. Шириной плеч, например. Шея короткая, кисти длинные и подвижные, как у ваятеля. И он постоянно хрустел пальцами. Хрясь встал рядом и ослабил хитро и беспощадно.

— Еще чуть-чуть — и запоем. Выболтает все, как бухая прошмандовка.

Для пущей значительности он хрустнул большим пальцем.

Помощник шагнул вперед и вылил на Ателя ведро воды. Контрабандист отфыркнулся, а потом соль обожгла свежие раны, и он взвыл от боли. Второй помощник перебирал пыточные инструменты, — пока мы с Ателем беседовали, их отложили в сторону.

— Позовите меня, когда он будет готов, — с трудом говорил я. — Я подожду снаружи.

И поплелся из задраенного склада, провожаемый гогогом Хряся.

Меня встретил солнечный свет — я даже зажмурился. Никак уже утро? Над башнями и крышами имперской столицы разливалось мягкое сияние. Илдрекка на рассвете казалась мирной и безмятежной, но я-то знал город слишком давно, чтобы обмануться. Молодцом, подружка, хорошо притворяешься!

На противоположной стороне улицы, подпирая спиной дверной косяк, стоял Бронзовый Деган.

— Ну как там? — поинтересовался он.

— Да никак.

И я махнул в сторону выползшего из-за горизонта солнца:

— Давно рассвело-то?

— Не, недавно. — Он широко зевнул. — Долго еще ждать?

Я не удержался и зевнул в ответ. Гнусно было — не передать.

— Черт его знает...

Деган хрюкнул и прислонился поудобнее. Он был выше меня на голову, широк в плечах, белокур и строен. Дверной проем занимал целиком. Во всяком случае, так казалось. Возможно, из-за одежды: свободный длинный плащ из зеленого льна поверх медового дублета, такие же свободные штаны и широкополая шляпа. Но не только. Непринужденная, уверенная повадка побуждала не задевать его даже в толпе. Ну и мечу находилось место. Окованные бронзой ножны болтались сбоку, и каждый мигмом узнавал члена Ордена Деганов — древнего ордена наемников из древнего города. В братство избранных головорезов принимали только с очень хорошими рекомендациями.

Я скользнул в дверной проем, уместился на крылечке, залез в висевший на шее кисет и выудил два зернышка ахрами. Мелкие, с костяшку пальца, округлые и поджаренные дочерна. Я потер их в ладонях, чтобы напитались потом. В нос тут же ударил острый и кислый запах корицы, земли, дымка. Сердце заколотилось.

— Завтрак, — возгласил Деган.

Я вскинул голову:

— Чего?

— Я решил, что ты задолжал мне завтрак.

— Да ну?

Деган покосился и молча выставил три пальца.

— А, ты об этом? Ну да, тогда заслужил.

Деган фыркнул. Ателя Улыбашку выследил я. Вот только ходил он не один, а с тремя амбалами. Мне было с ними не совладать, а Деган их раскидал как котят. Без него я бы с той площади живым не ушел, а Улыбашка так бы и лыбился.

— Спасибо, — добавил я.

Я редко благодарю, хотя Деган мой друг. Ему эти слова без разницы — что сказал я их, что нет. Мы с ним давно вместе и много чего повидали на этих улицах, чтобы трагиться на любезности.

Деган пожал плечами:

— Тоска была, а не ночь. Мне хотелось размяться.

Я улыбнулся и только закинул в рот зерна, как от склада донесся приглушенный крик. Мы с Деганом глянули по сторонам, но воплей Ателя никто не слышал — или, по крайней мере, не горел желанием разобраться, в чем дело. Затем наступила тишина, и я содрогнулся.

Я собирался подержать зерна во рту и в предвкушении эффекта насладиться биением сердца, но вместо этого взял и разгрыз. Рот наполнился горько-сладким вкусом с дымком. Я быстро разжевал, проглотил и стал ждать прихода.

Накрыло быстро — как-никак, чистый ахрами. Я только что спал на ходу — и мигом ожил. В голове развиднелось, словно кто-то повымел из нее паутину. Да и напряжение спало. Спина расслабилась, перестало давить на глаза. Усталость никуда не делась, и пробежки по городу придется отложить, но измочаленным я себя больше не чувствовал.

Так что я выпрямился и поработал плечами. Я снова был спокоен, пульс выровнялся, глаза обрели прежнюю остроту.

Запихивая кисет за пазуху, я встряхнул его. Зерен осталось мало. Надо будет пополнить запасы.

Мы расслабились и приготовились ждать, сколько нужно. На складе снова завопили, но город оживал, и крики звучали глуше.

Действие ахрами стало ослабевать. Тут из склада вышел подручный Хряся и поманил меня. Когда я добрал до Хряся, тяга сошла на нет и я пришел в скверное настроение.

— Ну? — спросил я.

Хрясь мыл руки. Он споласкивал их до локтей в большом ведре, стоявшем на ящике.

— Вызнали имечко.

— И что?

— Приятно освежиться после долгих трудов. — Хрясь кивнул на ведро. — А то разогреваешься. — И он покосился на меня. — Сразу начинаешь ценить простые радости и удовольствия. Разве нет?

Я молчал. Понятно, куда он клонит, но пусть скажет сам.

— Соколики¹, например, — сообщил Хрясь. — Соколики — радость простая.

— Да неужели?

Он кивнул.

— Вот тебе что-то нужно, ты отсыпашешь соколиков и — р-раз — получаешь о чем просил. Чем нужнее, тем больше платишь.

Я тоже кивнул. Так и знал, Хрясь задумал меня развести.

— Проще некуда, — сказал я. — Вот только мы уже договорились о цене.

Хрясь замер над ведром. Я обратил внимание на красноватый оттенок воды.

¹ Здесь и далее речь идет о деньгах. «Соколики» — это серебряные монеты, медные называются «совушки», «соколы» — золотые.

— Я занимался им дольше, чем ожидал, — отрезал он. — И мне сдается, что ежели человек так упорствует, то слово его стоит дороже. Такие, как Атель, не упираются из чистого упрямства.

И он провел по воде пальцем.

— Хочешь знать, что он порассказал, — гони соколиков сверху.

— А иначе?

— Иначе он больше никогда и никому ничего не скажет, а имя останется при мне.

— Понятно.

Хрясь довольно осклабился:

— Вот и умница.

Он наклонился, чтобы умыть лицо.

— Еще бы, — согласился я.

Ухватил его за загривок и сунул головой в воду. И придавил как следует одной рукой, другой придерживая заходившее ходуном ведро.

Обычно я не против пересмотра условий — да к черту; с такими, как Хрясь, иначе никак. Круг всегда норовит отжать соколиков побольше. Но можно это делать по понятиям, а можно не по понятиям. В первом случае положено проявить уважение и соблюсти взаимный интерес. А во втором борзуют и выставляют всякие «иначе», если не заплатишь. Терпеть не могу накруток, когда не требую сам.

А Хрясь даже в притопленном виде вел себя шумно. Примчались помощнички — я их едва удостоил взглядом. И осадил:

— Кто первый сунется, тот покойник.

Тут они, конечно, резко приостановились: и хочется, и колется, и хозяина надо спасать, но как? Зыркали то на меня, то на Хряся, то друг на дружку.

Я сразу понял, что и не дернутся, раз стушевались.

— Валите отсюда.

Они не тронулись с места. Хрясь обмякал. Я поднял голову и посмотрел в глаза тому, что был поздоровее:

— Олени, что ли? Не знаете, кто я такой? Валите, вам сказано!

Громила втянул голову в плечи, развернулся и ушел. Второй стоял и прикидывал расстояние между нами. Я оскалился:

— Ну же, щенок! Давай, иди сюда!

Он тоже убрался.

А Хрясь тем временем дрыгался все слабее. Я вытащил его башку из воды — на чуть-чуть, буквально на полвдоха — и пихнул обратно. Потом снова вытащил и снова утопил. И так четыре раза. А потом отпустил и сделал шаг в сторону.

Хрясь рухнул на бок, прямо как был, с ведром на тыкве. Вода разлилась и вымочила его до нитки. Он отчаянно перхал, тело сотрясали конвульсии. Я опустился на колени и забрал у него кинжал. Хрясь рвало водой и желчью.

— Имя, — потребовал я, когда он проблевался.

— Отвянь, паскуда, — сплюнул Хрясь.

— Это не имя, — возразил я, встал, уложил его мордой в лужу блевотины и придавил ногой, расплющив по ходу нос.

— Подумай еще.

Хрясь давился и пытался вывернуться из-под пяты. Я убрал ногу.

— Иокладия, — прохрипел он. — Ее зовут Иокладия.

Я поднял бровь. Старинное имя. На панели такое не встретишь.

— Кто такая?

— Не знаю. Атель не сказал.

— Что у них за дела? Это она покупатель?

— Не знаю. Может быть.

— Где ее найти?

Хрясь только помотал головой.

— Ну а рака? — осведомился я. — Ты узнал, где она?

Хрясь пытался встать на карачки. Руки-ноги дрожали, однако он явно приходил в себя.

— Он только сказал... что пришлось обменяться. Вроде как неожиданно.

— И он пустил в ход мою раку?

Хрясь покивал.

Сволочь какая!

— На что он ее обменял?

— А я знаю?!

К нему вернулась злость.

— Говнюк! — зашипел Хрясь, подняв на меня взгляд. — Мелкий говнюк! Ты чего творишь? С тобой братаны за это знают что сделают?

В ответ я приставил ему к щеке его же кинжал. Хрясь застыл, глядя на сталь. Острая. Потекла струйка крови, а я и не нажимал.

— Не надо переводить такие дела в личную, так сказать, плоскость, — посоветовал я. — Ты хотел меня нагреть, я не дался. Ничего личного, только дело. И хватит об этом.

Я медленно-медленно отвел кинжал от щеки и приставил к горлу Хряся.

— Но если ты все-таки приплетешь гильдию Живорезов, то это не понравится не только мне, но и Никко. А я уверен, что ты не хочешь огорчить Никко.

При упоминании Никко Хрясь побледнел. Никкодемус Аллудрус славился лютостью, которая особенно проявлялась в тех случаях, когда он считал себя обманутым. Не то чтобы кинуть меня означало кинуть и Никко, но наши интересы иногда совпадали. Не в этот раз, правда. Но я не собирался посвящать Хряся в нюансы.

— Мы пришли к пониманию? — спросил я.

Хрясь кивнул учтиво, насколько мог с кинжалом у горла.
— Ладно.

Я убрал клинок и пошел проведать Ателя, предоставив Хрясю очухиваться.

Мне, может быть, и казалось, что я обошелся с Живорезом излишне сурово, но эта мысль изжила себя при виде того, что осталось от Улыбашки. Когда я уходил, Живорез с подручными занялись ногами Ателя. Теперь передо мной лежал комок живого мяса — искромсанный, изодранный, изуродованный. Даже смотреть было больно. А самое мерзкое, Атель оставался в сознании... и смотрел на меня.

Я сдержал позыв на рвоту. Не из-за Ателя, нет. Не хотел Хрясь радовать. Сделав глубокий вдох, я пригладил усы и бородку и шагнул к бочке.

Атель дышал тяжело, в горле клочкотало. Один глаз заплыл, но второй следил за каждым моим движением. Я ожидал ненависти, или гнева, или безумия, однако Атель смотрел на меня совершенно спокойно. Не потому, что обессилел от боли или близился к беспамятству, — то был бесстрастный, почти безмятежный взгляд, под которым меня передернуло.

Встретившись с ним глазами, я сразу понял: Атель Улыбашка был отработанным материалом. Страдать сильнее мы его уже не заставим и ничего из него больше не вытащим. Похоже, он и имя это, Иокладия, выболтал ненароком. А может, нам просто повезло. Его взгляд говорил, что это не повторится.

Я присел, стараясь не испачкаться в крови. Он медленно прикрыл и открыл еще не заплывший глаз. Спустя мгновение я понял, что Атель подмигивал.

Я потянулся за своим кинжалом и обнаружил, что сжимаю в руке оружие Хряся. Атель проследил за моим взглядом, потом снова посмотрел на меня. Он улыбался, когда я перехватил ему горло.

Я отошел от бочки, Хрясь со своими ребятами уже ждали. Помощник снова наполнил ведро водой. Хрясь сбросил заблеванную рубаху, явив бугрящиеся мускулы и паутину старых шрамов. С головы и груди все еще текло.

— Глупо сделал, — сказал Хрясь.

Хрустнул сустав.

Я ничего не ответил — только положил ладонь на гарду папиры и развернул голубоватую сталь к свету. Бравада, и ничего больше — против троих мне не сдюжить. Если повезет — продержусь, пока не подспеет Деган.

Хрясь проследил за движением и улыбнулся:

— Дрожишь? И правильно, да только дело не в купании. — И он ткнул пальцем мне за спину. — Я про твое мясо у бочки. Зря ты его мочканул — я бы больше вытянул.

— Он выдохся.

— Это ты так думаешь. А я говорю, что нет. — Хрясь прицокнул языком и сплел пальцы. — Расход материала. Он бы запел, мясо такое, — (хрусть), — пока не вышла бы музыка.

— В музыке упражняйся без меня.

Что я ему, объяснять буду, как Атель на меня посмотрел? Хрясь обожал свою работу и не признал бы, что потерпел поражение.

— Приберитесь. И пусть тело найдут.

Хрясь нахмурился, но все же кивнул. Через пару дней труп Ателя попадетя кому-нибудь на глаза, и на каждой руке будет не хватать безымянного пальца. На языке улицы это значит: «Продал своих». Давным-давно в империи отрубали вора́м большой палец. Теперь мы, воры, рубим пальцы своим и метим их как предателей. Кто сказал, что мы не учимся у приличных людей?

Я отошел, а Хрясь и его ребята направились к трупу. Я проследил за ними — мало ли, вдруг набросятся, — а потом вернулся к тому месту, где мы с Хрясем «беседо-

вали». Вещи Ателя кучей лежали в луже воды. Я поднял мокрые тряпки и подержал на вытянутых руках, чтобы стекло.

Фонарь они забрали. На ящике теплилась свечка. Я разложил вещи Ателя там же и стал смотреть на пламя, раздумывая.

Ночное зрение — это и благословение, и проклятие. Да, я хорошо вижу в темноте. Почти как кошка. В глухом проулке, на крыше, при слежке во мраке ночи сей странный дар моего отчима, Себастьяна, часто оказывался благом. Но сейчас естественный свет был опасен: один неосторожный взгляд — и я на время ослепну. Мое ночное зрение могло обернуться неприятностями.

Поэтому я медлил, боясь разоблачения. Как объяснить, зачем я копался в Ателевых вещах в полной темноте? Нет, карты лучше не раскрывать. Из всех, кого я знал, в темноте ориентировался лишь Себастьян, который отказался от своего дара в ту ночь, когда провел ритуал и передал его мне. С тех пор прошло много лет, я посвятил в тайну только троих и не собирался вводить в этот круг избранных Хряся с его подручными.

Нет. Я был бы рад отойти в темный угол и посмотреть, как засветятся слабым янтарным светом вещи Ателя, но не хотел рисковать.

Я поднес свечку к вымокшим тряпкам. Уже обыскивал, но не особо тщательно. Я больше надеялся на допрос. Теперь мне остались только имя и хладный труп контрабандиста.

Начал я с одежды — отжал ее и принялся ощупывать: не зашито ли чего в прокладке шва, нет ли потайных карманов. Простучал на предмет тайников каблуки. Ничего. В кошельке нашлась мелочь: три медные совушки, серебряный соколик и поцарапанный свинцовый ромб. Знак паломника времен моего деда. На нем были выбиты три

символа императора, по одному на каждое воплощение. Владелец жетона, кем бы он ни был, совершил полное имперское паломничество — немалый подвиг, добрая тысяча миль. Теперь ходили другим путем, так как маршрут сместился императорским указом из-за пограничных войн, и такие знаки стали редкостью. Я ссыпал монеты в кошель — пусть достанутся Хрясю с ребятами, а ромб забрал себе.

Содержимое наплечной сумки тоже не изменилось: трубка, две тонкие свечи (сломанные), кожаный кисет и кусок заплесневелого сыра. Я решил идти до конца, разобрал трубку и раскрошил сыр. И высыпал все из кисета на ящик. В трубке обнаружилась одна зола, сыр давно высох, а в кисете я нашел мелко нарезанный табак и три узкие, перекрученные полоски бумаги — фильтры для трубки.

Вывернув сумку наизнанку, я прощупал подкладку и для очистки совести распорол швы.

Ничего.

Проклятье!

Я прислонился к ящику и уставился во тьму. За моей спиной подручные Хряся ворчали и ругались, волоча что-то тяжелое. Вероятно, труп Ателя. Потом меня кто-то позвал.

— Дрот?

Это был Деган.

— Я здесь, — откликнулся я.

Он долго пробирался во мраке, наталкиваясь на бочки и ящики. Потом я увидел, что вместе с ним приближается какое-то свечение. Наверное, он прихватил фонарь из тех, которыми пользовался Хрясь. Я зажмурился и быстро повернулся спиной, хотя глаза успело обжечь. Здесь было достаточно темно даже со свечкой, чтобы включилось ночное зрение.

— Ну что? — спросил он, подойдя поближе. — Узнал что-нибудь?

— Имя, — ответил я, усердно моргая; глаза негодующе полыхнули болью в последний раз и вернулись к обычному зрению. — Иокладия.

— Старинное, — заметил Деган.

Я согласно кивнул.

— Знаешь кого похожего?

— Не, не слышал.

Я снова кивнул. Хорошего понемногу.

Деган ждал, я помалкивал.

— Скажи, что это не все, — подал он голос.

— Это все.

Деган поставил фонарь на ящик и потер переносицу.

— Вечная история. Почему с тобой не бывает иначе?

— Может, везет?

Деган не улыбнулся. Я вздохнул и взял фонарь.

— Уходим, — сказал я, разворачиваясь. — Пахнет, как...

И застыл на месте.

— Вот черт!..

Рука Дегана неуловимым движением скользнула к мечу.

— Что стряслось?

Я поставил фонарь обратно на ящик и наклонился. На обрывке бумаги, скрученном для фильтра, было что-то нацарапано. Какой-то рисунок.

Я поднял бумажку и аккуратно расправил. Нет, это не шалости освещения. Чернилами был выведен символ «пистос», а рядом — куча других, произвольно намешанных. «Пистос» значит «реликвия». А рядом символ «иммус», означавший «император».

Деган заглянул мне через плечо, всмотрелся в каракули.

— И правда везет, — хмыкнул он.

Я держал бумажку под углом и подальше, чтобы лучше видеть на солнце, которое светило в спину. Клочок шириной с безымянный палец и чуть длиннее ладони испещряли тонкие линии, странные углы, точки и загогулины, но только левую половину. Правая оставалась чистой. Среди них затесались символы «пистос» и «иммус». В остальном это смахивало на следы мух, вылезших из чернильницы.

— Тележка, — донесся справа голос Дегана.

Я поднял взгляд и чуть не врезался в тележку булочника. Я шагнул в сторону, но поздно — задел ее бедром. Буханки и булки подпрыгнули, а пекарь нахмурился и проверил, не слямзил ли я чего.

— Странно, что ты меня предупредил, — заметил я, когда поравнялся с Деганом, потирая ушибленное место.

— Не хотел, — отозвался Деган. — Но пожалел булочника. Не стал ради забавы портить ему день.

— Знаешь, что про друзей говорят?

Деган рассмеялся.

Мы шли через Длинный кордон. Малые доки и склады остались далеко позади, и в воздухе еще витал запах моря, но с каждым шагом усиливался земной, который источался уличной грязью, вопревшими работягами, женщинами, спешившими к фонтанчикам для питья, и, разумеется, свежим хлебом. Ватаги детей лавировали между тележками

и путались под ногами, добавляя суеты и без того запруженной улице. Я заключил, что примерно четверть из них занималась серьезным делом: воровали с прилавков, срезали кошельки и выслеживали жертв для старших товарищей.

Здесь проходила граница владений Никко, а также моих; то и дело попадались члены Круга: вот Щипунья с ловкими ручками и крохотным острым ножиком; вот Хвосторез в обязательном длинном плаще, чтобы прятать мечи и шпаги, похищенные с чужих поясов. А вот и Болтун — надувала, мастер заговаривать зубы и обирать дурачье, а также масса прочего жулья. Повсюду сидели и трясли чашками для подаяния Мастера-Чернецы, выставившие перед Светляками свои фальшивые увечья. Иные украдкой кивали мне, но большинство занималось делом и ни на что не отвлекалось. Я поступал так же.

Деган откашлялся.

— Ну?.. — молвил он и показал на бумажку, которую я так и держал.

— Ум за разум заходит, — буркнул я, свернул ее и сунул в кисет с ахрами. — Может, код. Может, шифр. А то и вовсе, черт побери, простая бумажка для трубки...

— Простая бумажонка, на которой помянута имперская реликвия? — усмехнулся Деган. — Обалдеть можно.

— Там написано «император» и «реликвия». Но это еще никак не «имперская реликвия».

Деган лишь выразительно промолчал.

— Ну ладно, — сдался я. — Я тоже не верю в такие совпадения. Но тут одно действительно непонятно...

— Только одно?

— По-настоящему непонятно только одно, — настойчиво повторил я. — С чего вдруг Атель так уперся?

— Ах, это, — сказал Деган.

— Вот именно.

Охота за реликвиями считалась делом небезопасным даже по нашим меркам. В империи не жаловали граждан, которые крали святыни, не говоря уже о сбытчиках краденного. С ними, если ловили за руку, не церемонились. Это считалось менее тяжким преступлением, чем покушение на убийство императора, но более серьезным, чем осквернение императорской гробницы. Профессионалы знали, что ждало их в случае поимки, и снисхождения не чаяли.

Отчасти поэтому я старался с ними не связываться, но Атель превратил это ремесло в искусство. Он прославился тем, что нашпиговывал колбасные кишки молитвенными свитками, заливал оливковым маслом и провозил в кувшинах святую воду, а кушак от ризы наматывал на голову, как тюрбан. Но он предпочел спалить древний, четырехсотлетний трактат о божественности императора, чем отдать его Кающимся Братьям — имперским сыщикам, охотящимся на святокупцев. Атель умел рисковать, но никогда не делал этого понапрасну. И очень хорошо знал, что почем. Зачем он уперся так, что даже Хрясь его не расколол?

— Почему Атель молчал? — произнес я вслух. — Какой в этом смысл?

— Деньги? — предположил Деган.

Я помотал головой:

— Реликвия ценная, но Атель, как только мы его взяли, сразу понял, что ему конец. Так зачем молчать? Мертвому соколики ни к чему.

— Может, из мести?

— В смысле?

— Ты все равно его кончишь — зачем колоться? И он подумал: все равно помирать, так пусть хоть утрутся напоследок.

— Это не похоже на Ателя, — возразил я.

— Будет похоже, Дрот, когда приставят нож к горлу.

— Может быть, — сказал я, — но Хрясь его так обработал, что не до мести. Терпеть такую боль из мелочности? Не знаю, не знаю.

— Если человек мелочный — вытерпит.

Я вспомнил предсмертный взгляд Ателя.

— Нет, он был далек от мелочности, — проговорил я.

Деган вздохнул:

— Ну ладно. А как насчет верности?

— Он же из наших! — расхохотался я.

— Я знал пару человек, которые умели держать слово, — покосился он на ходу. — У некоторых это даже в привычку вошло.

— Им же хуже, — парировал я сухо.

И поискал глазами Кентов. Найдется ли хоть один, кто сунется под нож за товарища, не говоря уж о местном Тузе? И выдержит все, как выдержал Атель?

Давным-давно — возможно. Во времена Короля-Тени. Когда во главе Круга стоял Исидор и власть его над преступной империей, что тенью расплзалась под империей настоящей, была абсолютной. О том, как он выковал из нашего отребья и мелких царьков железную организацию, ходили легенды. С каждой кражи он получал долю; не было аферы, в детали которой он не вникал; не было предателя и врага, которые не поплатились. Брат не крадет у брата, сказал Исидор, и так оно даже и было, пока нас не заметила империя — точнее, император.

Император Люсиен относился к власти с маниакальной ревностью. Стерпеть, что кто-то покусился на королевство — пусть даже тeneвое — в пределах его личной империи, он не мог. Всякая власть исходит от императорского престола, а присвоить себе власть меньшую без разрешения высшей есть покушение на право самодержца. И вот старевшее воплощение владыки создало орден Белых Кушаков, ищеск, подчиненных лично ему. Золотые Кушаки,

гвардия, и Кушаки Черные, легионеры, у него уже были. Эти Белые наводнили улицы Илдрекки, ведя за собой имперских легионеров. Кентов вешали скопом, и виселицы напоминали яблоневые сады. Те, кому не нашлось веревки, валялись на улицах. Вырезали целые семьи — за то, что кто-то из домашних жил по законам Исидора внутри империи. Исидора возили по улицам и кромсали день и ночь напролет. А имперские маги не давали ему умереть — чтобы все смотрели и мотали на ус.

И это возымело успех. Прошло двести лет, а Круг оставался раздробленным. Короля сменили мелкие паханы, постоянно воевавшие друг с другом. Даже Серые Принцы были слабым подобием Исидора, хотя давно стали фигурами легендарными, благо под их рукой собирались целые теневые армии, им подчинялись люди в десятках преступных обществ — выполняли приказы, принимали заказы и отчитывались перед своими покровителями. Никто не знал, сколько дел совершалось по их воле и сколько отстегивалось в их многочисленные фонды, но никто и не сомневался, что их власть велика. Серые не контролировали определенную территорию, и даже штаб-квартир у них не водилось. Но каждый из нас слышал их имена: Тень, Госпожа Танца, Клешня, Одинокество, Дудочников Сын, Щур и Щиток. А также знал, что лучше держаться от них подальше.

И все же изобретательные и могущественные Принцы не шли в сравнение с Исидором — жалкие тени, зыбкие отражения. Ни гордости, ни центрального руководства у Круга не осталось. Поэтому я подумал: нет, нашему брату не выдержать допрос Хряся из чувства верности или чего-то подобного. Процент не заплатят, а прочее никого не интересует — кроме, похоже, Ателя.

— Ладно, — сказал я. — Допустим, что Атель действительно молчал из чувства долга, хотя я лично в это не

верю. Но предположим. Тогда остается вопрос: кому он был верен? Он же контрабандист. На себя работал. Ради кого контрабандист пойдет на такие пытки?

— Ради Иокладии?

Опять это имя. Я раздосадованно помотал головой:

— Ну, возможно. Но кто она такая? Уж точно не Тертый Калач, иначе мы бы о ней слышали.

— А кто тебе сказал, что она из Круга? У Ателя могла быть другая причина.

— Да, и серьезная, раз он продержался у Хряся целую ночь.

Какое-то время Деган смотрел себе под ноги.

— А может, родственница? — предположил он наконец.

— Родственница? Ателя? В смысле — сестра или что-то вроде этого?

— Или мать. Или возлюбленная.

Я помотал головой.

— Да нет, чепуха.

— Ну для тебя-то — конечно.

Я хотел огрызнуться, но прикусил язык и вымученно пожал плечами. Нет, меня так просто не возьмешь. Если Деган желает поговорить о моей сестрице, то пусть, черт его дерь, сам потрудится назвать ее имя. Я — не буду. И вместо этого я произнес:

— Ты вроде говорил, что я тебе завтрак должен?

— Меняешь тему?

— Нет, долги отдаю.

— То-то же, — улыбнулся Деган.

Я быстро прикинул:

— Сегодня День Сокола. Значит, пора наведаться к Мендросу.

Деган поглядел на небо.

— Не рановато для визитов?

— Часов на восемь, — согласился я. — Но я тут понял, что людей надо время от времени удивлять, чтобы не расслаблялись. А с утраца и товар посвежее.

До площади Пятого Ангела мы добрались буквально за полчаса, если не быстрее. Здесь раскинулся базар Арииф — лабиринт лотков, навесов и толп на пяточке вдвое меньше нужного. Рынок славился дешевизной и вкуснейшей уличной едой. Над площадью висела густая кисея из дыма и пыли, волнами колыхалась зной. Под этим мутным покровом пестрели навесы, в чересполосице света и тени ярко вспыхивали краски, сновали покупатели, и этот шумный базар был отражением империи, многолюдной и разношерстной, где собрались все: от коренных илдрекканцев, охочих до дешевизны, до беженцев с джанийской границы.

А над толпой нависал покровитель площади — Ангел Элирокос. Когда статую Простителя устанавливали на ее верхотуре, она, должно быть, радовала глаз тонкой работой и красками. Но прошли века, и краска облупилась, обнажив серый мрачный камень; одна рука давным-давно отвалилась, зато другая до сих пор традиционно указывала на север. Если бы не изображения спасенных душ подле пьедестала, старина походил бы на увечного попрошайку.

Мне эта статуя всегда нравилась.

Мендросс со своим лотком расположился у самого пьедестала Ангела, где заканчивалась тень. Когда мы подошли, он объегоривал покупательницу. Пока они пререкались, мы с Деганом принялись угощаться всем подряд. Мендросс воспринял это как должное, но женщина возмутилась:

— Так вот почему ты такую цену ломишь! Чтобы дружков задарма кормить?

Мендросс сердито зыркнул на нас из складок и щек, а к ней обратил сахарную улыбку:

— О нет, сударыня! Эти милые люди просто снимают пробу для своего господина, почтенного Пандри, шеф-повара Внешнего имперского Двора!

Та смерила нас взглядом и не прониклась. Я хорошо ее понимал: ночь выдалась бурной, но я сомневаюсь, что нас даже в лучшем виде подпустили бы ко Двору, не говоря уже о кухне.

— Тьфу! — Она плюнула и пошла прочь.

Деган зачерпнул горсть великолепной горной земляники и попробовал.

— Шеф-повару понравится, Дрот. — Он смолотил еще одну ягоду. — Да скользнут они беспрепятственно по его трижды благословенному пищеводу!

— Вовремя, ничего не скажешь, — буркнул Мендросс. — Я ее почти уболтал.

Я небрежно отмахнулся и подступил к нему ближе. Нас разделяла только корзина с фигами.

— Не скули, получишь ты свои чертовы две совы.

— Четыре. И ты пришел рано.

— Три. И да, я пришел рано.

— Стой здесь. Я не успел подготовиться.

Торговец пошел вглубь лавки и начал имитировать поиски. Я забавлялся тем, что кидал фигу за фигой базарным оборванцам. Деган молча ел и наблюдал за толпой.

Мендросс вернулся.

— Э-хе-хе, — пропыхтел он. — Дела-то идут из рук вон плохо...

И сунул за большую бутылку маленький кошелек. Я взял его не спеша, давая время соглядатаям убедиться в состоявшейся передаче.

— Кому сейчас легко? — отозвался я. — Ничего личного.

Мендросс опять посмурнел:

— Да, конечно. Ничего личного, только бизнес.

Он сплюнул на сторону.

Кошелек был набит не монетами, а камешками и фруктовыми косточками. Это делалось для отвода глаз, если

кто-то из Круга полубопытствует. И разговор велся ради того же. На самом деле Мендросс был Ухом и работал на меня.

Я улыбнулся его спектаклю и потянулся к финикам. По ходу осмотрелся: никто не задерживался у лотков дольше, чем было нужно, а потому я коротко кивнул торговцу, словно финики похвалил. Тот склонился над прилавком и принялся перекладывать апельсины. Наши лица сблизилась.

— Никкодемус хочет тебя видеть, — сообщил Ухо, чуть шевеля губами.

— Зачем?

Мендросс покачал головой и отложил в сторону подгнивший апельсин.

— Не знаю. Вызывает, и все.

— Как срочно?

Он чуть пожал плечами.

Я задумался. Никко мог вызвать меня для чего угодно — пресечь какие-то слухи, а то и взяться за новое дело. Так или иначе, до дома и кровати я доберусь не скоро, а мне туда хотелось отчаянно.

Я вздохнул и взял апельсин. Мне нужно выспаться. Не хочу я ни слухи пресекать, ни Кентов видеть.

— Значит, о важности ничего? — спросил я.

— Ничего.

— Ладно. — Я проткнул кожуру ногтем. От острого сладкого запаха защекотало в носу. — Передай, что мне нужно... нет, я должен закончить одно дельце. Приду вечером, как все улажу.

Ответ не блестящий, но задницу я прикрою, пока не дойду до Никко.

Мендросс проводил апельсин преувеличенно горестным взглядом и кивнул, как бы смиряясь с потерей. В переводе это означало: доложу. Я с трудом подавил улыбку — Мендросу на сцену надо с таким талантом.

— Еще новости есть? — спросил я.

— Разборки в Десяти Путиях.

Я фыркнул:

— В Десяти Путиях вечно разборки.

Это была дыра, которую никто толком не контролировал. Никко имел там небольшой интерес — как и несколько других Тузов.

— Давай угадаю: пара бригад порезвилась на чужой территории и ощипала кого-то из клиентов Никко. А теперь этот клиент жалуется, потому что платил за крышу. Так?

Мендросс бросил переключать апельсины и уставился на меня:

— Драки не было, но в целом ты прав. Зачем я рассказываю, если знаешь?

Я криво усмехнулся. Как не знать — сам оттуда. Из Десяти Путей.

И я оторвал от апельсина несколько долек. По ладони потек сок.

— Еще что-нибудь?

Мендросс наклонился над горкой фиников.

— Люди болтают, — прошептал он, — что Никко пасут.

Я застыл, не донеся дольку до рта. Там разом пересохло.

— Пасут?

Это плохо. Шпионов никто не любит, но Никко они приводили в поистине небывалую ярость. Достаточно было намек на то, что кто-то из Тузов заслал к нам крота, — и все, Никко шел вразнос. А когда Никко шел вразнос, он камня на камне не оставлял, пока не находил гада, — ему хватало слуха или намек.

В такой обстановке под подозрением мог оказаться любой, даже люди вроде меня, которые отслеживали сплетни и стукачей.

— И громко поют?

— Пока тишком.

— А кто погнал волну?

Мендросс пожал плечами:

— Кто-то кому-то сказал, что кто-то еще говорил, будто его дядя знает Резуна, который как-то подслушал, как муж сестры говорит какому-то парню...

— Это не тишком, — с облегчением выдохнул я. — Это, зараза, почти молчком.

— Думай что хочешь, но слух уже пару дней как ходит. Ты меня знаешь: если люди болтают один день, другой, то я докладываюсь.

Я одобрительно кивнул и закинул апельсиновую дольку в рот. Громко или тихо, но слух пошел и рано или поздно может дойти до Никко. А если он взбесится, то плохо придется всему и всем, в том числе моему душевному здоровью. Но главное — промыслу.

— Ты не слышал, чтобы заваривалось что-то крупное? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Мендросс.

— Может, прибили какую шишку?

— Не было, нет.

— Чужаки к нам не лезли? На территории Никко все путем?

— Вроде да.

— Вот и я ничего такого не слышал, — подытожил я. — И потому думаю, что это пустая болтовня. Шпика слишком трудно подрядить, чтобы размениваться на мелочовку, а ничего другого не происходит. Шпику незачем палиться на ерунде.

— Может, он лажанулся на ровном месте? — предположил Мендросс.

— В таком деле не лажают. Не забывай, что речь идет об организации Никко. Любой шпион, ежели он не совсем придурок, будет сидеть тише воды ниже травы. Да к черту,

я Никко сведения сливаю, а сам дрожу, как представлю, что будет, если он что-то унюхает!

Мендросс подумал и пожал плечами:

— Тебе видней.

Еще бы! Конечно видней. Но Мендросс был прав в одном: на такое нельзя закрыть глаза. Я еще раз окинул взглядом базар и принял решение.

— Может, все это пустое. Или подстава, — проговорил я и съел еще дольку. — Может, кто-то сводит старые счета.

Или готовится начать войну за власть. Смятение в рядах — отличный отвлекающий маневр.

— Пусти слух, что все это чушь собачья. Если заткнутся — отлично. А если нет — дай мне знать.

Черт, лучше бы заткнулись, иначе мне придется искать источник, пока не дошло до Никко.

— Я постараюсь.

И Мендросс передал мне остальные новости, пока я заканчивал завтрак. Что-то я отложил на потом, но большая часть была ерундой. На улицах не происходило ничего особенного.

Разговор подошел к концу, и я демонстративно вытер пальцы о полотенце, свисавшее с лотка.

— Рицце поклон, — сказал я, взял фигу и взвесил ее на ладони.

Мендросс довольно кивнул и отступил на шаг. Я поднял руку и запустил в него фигурой. Она пролетела в паре дюймов от лица.

— И больше не пудри мне мозги! — рявкнул я, чтобы все слышали.

Мендросс угодливо согнулся и забормотал извинения. Мы с Деганом развернулись и пошли прочь. Я напустил на себя наглый и развязный вид.

Едва базар остался позади, я перестал выступать гоголем и взял черепашью скорость.

Деган зевнул и почесал подбородок.

— У тебя еще есть дела?

Я посмотрел на небо. Солнце стояло вызывающе высоко — четыре часа как взошло. Мне очень хотелось заползти в темную нору, но предстояло встретиться с одним человеком, и сейчас наступило самое время.

— Ага, — отозвался я. — Дела еще есть.

— Я тебе нужен?

— Нет.

— Ну и отлично, я все равно бы не пошел.

— Тогда, пожалуй, нужен.

— Не борзей.

И Деган, не дожидаясь ответа, смешался с толпой и почесал к дому. Клянусь, он еще и насвистывал. Урод!

Я посмотрел ему вслед и пошел в противоположную сторону. Мне нужно было поговорить о клочке бумаги.